

РУССКИЙ ФЛОТ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ: КАМПАНИЯ 1760 ГОДА

Ю. М. Попов

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 25 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье раскрываются причины изменения плана военных действий русской армии, повлекшие за собой постановку новых задач флоту в кампанию этого года. Автор обращает особое внимание на исполнение союзнических обязательств между Россией и Австрией, выразившееся в попытке взятия приморской крепости Кольберг.

Ключевые слова: задачи флота, союзнические отношения, крепость Кольберг.

Abstract: the article reveals the reasons for changing the plan of military operations of the Russian Army that led to the formulation of new problems in the Navy campaign of that year. The author pays special attention to the performance of allied commitments between Russia and Austria resulting in attempts to take the maritime fortress of Colberg.

Key words: Navy tasks, alliance, fortress of Colberg.

18 марта 1760 г. императрица Елизавета Петровна утвердила окончательный план проведения операций для русской армии на 1760 г., в основе которого было проведение совместных боевых действий с австрийцами у границ с Силезией [1, с. 372]. Эту дату можно считать и началом первого этапа подготовки флота к кампании этого года. Принятие плана операций, основанного на желании вести боевые действия вместе с австрийской армией и который 19 марта 1760 г. был сообщен австрийскому послу Эстергази, являлось необходимой базой для заключения через два дня, 21 марта, по инициативе российской стороны, нового совместного договора – «Конвенции, учиненной в Санкт-Петербурге между российским и венским дворами о продолжении противу прусского короля войны» [2, с. 452].

Конвенция касалась закрепления за Россией Восточной Пруссии, где главным гарантом этого в послевоенном переговорном процессе являлась бы Австрия. Поэтому иного варианта плана кампании, кроме как в тесном взаимодействии союзных армий в стремлении отвоевать захваченные Пруссией австрийские земли, что отвечало интересам России, императрица Елизавета не видела. Но дело заключалось в других, более глубоких причинах. Австрия была естественным союзником России на юге – Оттоманская порта являлась потенциальным противником для обеих стран. Поэтому союз России и Австрии рассчитывался на длительную перспективу: не только на борьбу с Пруссией, но и на продолжение сотрудничества в неминуемой схватке с другим общим врагом – Турцией.

Оказание военной помощи австрийцам объяснялось необходимостью не только с точки зрения закрепления успехов в войне, но и с позиций экономики: «... большее войны продолжение несравненно дороже станет, нежели окончать в одну кампанию, хотя бы она для того весьма драгоценна быть имела» [3, л. 301]. Эта помощь оценивалась очень высоко, что и было документально отражено, в том числе и в плане: «Мы по мере содействия нашего имеем ожидать плодов сей войны... сокращением сил короля прусского, то отнюдь невозможно иначе как постановить обще с ее величеством императрицею королевою план операций нынешнего году» [там же, л. 299]. Предусматривалось использование главных сил русской и австрийской армий, весьма значительных по составу [там же, л. 305].

Необходимость помощи российской стороны была выражена и в ее непосредственном участии в выборе способа военных действий, а именно порядка и приемов применения сил и средств, а также направления походов главных сил не только своей, но и австрийских армий. Участие это было весьма активным, причем изменившим мнение австрийского руководства: «...намерение венского двора клонилось подлинно к тому, чтоб во ожидании удерживать только короля прусского в Саксонии... но как венский двор нам изъяснился, что есть у него почти верные способы короля прусского из нынешнего его положения выжить, да только по мнению его не находит он в том надобности, то мы представили оному крайнюю нужду сего поступка... можем мы надеяться, что... гораздо ранее приближения нашей армии важные в Саксонии перемены произойдут...» [там же, л. 307]. Аналогично была обоснована необходи-

мость сбора еще одной австрийской армии: «*Что... скоро соберется и другая австрийская армия в Люзацию, о том также сомневаться нельзя... сие делается по собственному Венского двора желанию...*». Такое использование австрийских армий по разным оперативным направлениям должно было обеспечить беспрепятственный и безопасный поход русской армии к Одеру: «*...король прусской отделением или собранием другой армии уже будет слаб и против одного графа Дауна. А противу здеиной (русской. – Ю. П.) и совсем ничего и поставит не останется...*» [там же, л. 308]. Как мы видим, создание в начале кампании нескольких направлений ударов (Саксония и Люзация, или Саксония, затем Люзация и далее к Одеру, куда должна была продвигаться и русская армия) должно было, по замыслу высшего руководства обеих сторон, в соответствии с основными положениями маневренной стратегии того времени [4, с. 26] привести к разделению войск Фридриха II и к их дальнейшему ослаблению. А это, в свою очередь, должно было привести к победоносному окончанию всей войны. Но попытка представить будущие операции двух австрийских армий как два разных направления ведения боевых действий с противником, в результате которых «*силы его разделены будут*» [3, л. 307], выглядит весьма проблематичной. По сути, это являлось одним-единственным направлением, причем предполагалось в дальнейшем их объединение и движение к Одеру для соединения с главными силами русской армии.

В связи с такой уверенностью в достаточности предпринимаемых мер в планах не возникло и намерения создать другие дополнительные направления ударов для русской армии, в частности, в Померании, где предполагались только набеговые операции: «*...а легкими войсками страх во всей Померании, сколько можно больше, умножен будет*» [там же, л. 309]. А для прикрытия от ударов противника с этой стороны на реке Варте должен был расположиться сильный корпус. Желание одержать именно скорейшую победу было вызвано, как уже отмечалось ранее, экономическими причинами, и говорится об этом в плане не раз: «*...мы... принуждены... брать во уважение, сколько с начала усиления короля прусского истощено наше государство рекрутскими наборами, умножением армии и всегдашним содержанием великих сил на лифляндских границах...*» [там же, л. 300, 301]. Итак, выбор единственного направления наступления русской армии следовал из желания решать одновременно и экономические вопросы, связанные с войной. Это обстоятельство, как следует из анализа плана кампании, и побудило руководство страны отказать от выбора еще одного направления наступления в Померании, что явилось наиболее зримым воплощением идеи экономии средств, затрачиваемых

на ведение войны. С этой позиции вполне понятна и основная идея плана кампании, заключавшегося в том, что австрийцы главными силами (150 тыс. человек) должны были вести основные боевые действия, а российская сторона (70 тыс. человек) помогать им, поскольку казалось, что этого вполне достаточно для победоносного завершения войны.

Естественно, такая уверенность Конференции в собственном плане привела только к одному – отрицанию целесообразности других вариантов боевых действий и отказу от активного применения сил флота в плане оказания помощи армии на приморском направлении. Отсюда роль флота в этих условиях автоматически сводилась к выполнению обычных мероприятий, обусловленных опытом 1758–1759 гг., без привязки к операциям на сухопутном фронте. С этой точки зрения использование флота в режиме мирного времени, по мнению руководства, также способствовало экономии людских и материальных ресурсов.

С позиции внесения ясности в этот вопрос очень важен секретный рескрипт Конференции для Коллегии иностранных дел от 16 июня 1760 г. [5, л. 163]. В преамбуле этого рескрипта еще раз совершенно правильно указывалось на невозможность появления английского флота в Балтийском море летом 1760 г. Было подчеркнуто, что наш флот в любом случае выйдет в море в назначенное время. Также было сказано, что планы использования флота уже объявлялись Коллегии ранее и предъявленный рескрипт являлся лишь окончательным указанием дипломатическому ведомству при его взаимодействии (в лице посланников в Швеции и Дании) с флотом по обеспечению успешного выполнения последним поставленных ему задач, которые здесь же и были перечислены [там же, л. 11]. Роль флота в дополнение к перевозке войск сводилась к дипломатической миссии – к очередной демонстрации заботы о безопасности союзников на Балтийском море и готовности к тесному взаимодействию со Швецией. Итак, на 16 июня 1760 г. флот готовился к выходу в море для выполнения уже ставших обычными для него задач, и подготовка эта шла заведенным порядком.

Но через шесть дней, 22 июня 1760 г., ситуация кардинально изменилась. В тот день вышли высочайшие рескрипты, где изменение плана использования флота было воплощено в ряде конкретных указаний, обращенных к разным должностным лицам, например, адмиралу Мишукову: «*Вы сведомы уже, каким образом хотим мы, чтоб порученной в команду вашу флот не тщетно чтоб в море выходил, но взятием приморской в Померании крепости Кольберга показал нам верную службу... здесь представили мы себе дать наши предписания об одних таких потребных к тому приготовлениях*» [6, с. 593]. В ре-

скрипте генералу А. И. Шувалову была также указана и цель этой задачи: «*Чтоб флот наш не для одной эскерции ныне в море выходил, то вознамерились мы оным сделать с помощью Божию новые завоевания, а имянно Кольберг взять и, утвердась в Померании, завладеть сею*» [там же, с. 596]. Что же произошло за эти шесть дней и послужило причиной столь быстрого и резкого изменения задачи флоту?

Ответ следует искать в событиях, произошедших несколько ранее, в первых числах июня: «*Венский двор, приложенным при сем к послу его графу Эстергази рескриптом* (от 24 мая 1760 г. – Ю. П.) *и промеморию сего последнего* (от 30 мая 1760 г. – Ю. П.) *для изображенных оными важных резонов домогается, чтоб армия не между Глогау и Франкфурта, но прямо на Бреславль операции свои учредила*» [7, с. 181]. Перемена для русской армии сводилась к смене направления наступления практически на 90 градусов к югу – не в сторону Кроссена, а на Бреславль с последующим его взятием. Взятие этого города, центра нижней Силезии, той ее части, которую захватила Пруссия, обеспечивало полный контроль над этой областью, практически возвращало ее Австрии. И последняя при таком варианте развития событий фактически добивалась бы поставленных в этой войне целей. Такая заманчивая перспектива, безусловно, была вполне достижима, что устраивало российскую сторону и явно перевешивало те организационные неудобства, которые возникали при изменении маршрута движения войск. Поэтому сразу же после изучения предъявленных послом документов 2 июня 1760 г. был отправлен высочайший рескрипт к главнокомандующему армией П. С. Салтыкову, посвященный этому же вопросу, в котором последнему ставилась новая задача [6, с. 181].

Но, соглашаясь с необходимостью похода на Бреславль, Конференция ставила ее в зависимость от выполнения Венским двором ряда условий. Эти условия и были сообщены в ответе австрийскому послу Эстергази [5, л. 149]. В рескрипте от 6 июня до сведения Эстергази был дополнительно доведен расширенный ряд этих необходимых для выполнения задуманного условий, которые должна была выполнить австрийская сторона. Смысл их сводился к необходимости совместных (а не только одной русской армии) действий по овладению Бреславлем и оказанию ей необходимой помощи в снабжении от австрийцев [там же, л. 157, 158, 160]. Смена направления с Кроссена на Бреславль таила в себе и серьезную опасность – возможность удара пруссаков в тыл русской армии из Померании в направлении Вислы. В случае движения на Кроссен–Франкфурт такой вариант был маловероятен, поскольку Померания находилась бы недалеко от расположения главных сил армии и всегда можно было оперативно реагиро-

вать на действия противника в этом районе, что и предусматривалось в прежнем мартовском плане. В случае же начала операции на новом направлении эта опасность переходила из разряда гипотетических в реальную. Необходимы были дополнительные меры по предотвращению развития событий по подобному сценарию. Единственным действенным средством для этого являлось бы проведение самостоятельной крупной операции достаточно большими мобильными силами с целью отвлечения противника в удаленном от направления главного удара месте. Такой самостоятельной силой мог быть только флот, способный к нанесению мощного удара по противнику в нужном месте. А такое место на побережье, важное в стратегическом отношении, было только одно – Кольберг. В период с 16 по 22 июня и была достигнута договоренность в вопросах, касавшихся совместных действий союзников у Бреславля. Поэтому логика событий заставила руководство страны срочно изменить план использования флота, о чем немедленно было сообщено в рескрипте от 4 июля 1760 г. П. С. Салтыкову: «*Флот наш донныне почти бесплодно выходил в море, но как оный великим числом своего экипажа мог делать, конечно полезно, то мы, усиля оный некоторою частию сухопутнаго войска, поручили нашему адмиралу Мишукову в Померании при Колберге десант сделать и сию крепость взять*» [7, с. 182].

Ожидаемый эффект (вероятное разделение сил и внимания противника и содействие тем самым успешному ведению боевых действий союзными армиями в Силезии) мог быть достигнут только синхронными действиями на обоих оперативных направлениях. Поэтому подготовке сил (с учетом перехода в указанные районы) как армии, так и флота отводилось одинаковое время – около месяца, начало операций намечалось примерно на первые числа третьей декады июля (около 20 июля) [там же]. Но подготовка армии, находившейся у Познани, к походу на Бреславль проводилась неоперативно, несмотря на указание ускорить выступление, и только 15 июля ее главные силы выступили в поход. 18 июля произошло событие, резко активизировавшее действия российской стороны. В тот день Конференция в Царском Селе рассматривала срочное послание главы австрийского внешнеполитического ведомства графа Кауница, представленное послом Эстергази. В центре послания находилось сообщение о неожиданном начале боевых действий прусской армией под командованием самого короля в Саксонии с целью дальнейшего захвата ее столицы Дрездена. Конференция рассмотрела все перипетии, связанные с резким изменением ситуации на театре военных действий, о чем немедленно в соответствующем рескрипте от 18 июля 1760 г. было сообщено П. С. Салтыкову. Был сделан вывод: что бы ни произошло с

Дрезденом – в любом случае это сильно ослабит пруссаков: «...как несчастливое с Дрезденом приключение не сделалось всемерно надобно, чтоб и король прусский при том нечто потерял, а занятием Дрездена и гораздо ослабил свою в поле армию (поскольку ему в этом случае надо было удерживать взятый город, а сил при этом было затрачено много. – Ю. П.)» [6, с. 604]. Австрийская армия под командованием Дауна, как правильно оценила Конференция, вела бы боевые действия в Саксонии против прусского короля Фридриха. Тогда как задачей другой австрийской армии под командованием Лаудона становились самостоятельные операции в Силезии, что давало реальные шансы на успех кампании.

Салтыкову приказывалось «*походом в Силезию генерално и занятием Бреслава по крайней возможности поспешать*» [там же, с. 607] для оказания скорейшей помощи Лаудону во взятии города. Фактор времени становился решающим, и Конференция требовала от Салтыкова одного – «Вам спешить!» Но задержка выступления русской армии из Познани сказалась на ходе дальнейших событий. Армии принца Генриха удалось прибыть к Бреславу раньше русских и тем самым предотвратить соединение союзников и взятие города [там же, с. 620]. И так, уже на этом первом этапе кампании в плане совместных боевых действий русской и австрийской армий произошел сбой. В Петербурге, судя по всему, хотя и рассматривали и такой вариант развития событий, но на деле не предполагали, что он может произойти и причем так быстро [1, с. 374]. Салтыков 29 июля узнал о том, что король со своей армией, прекратив осаду Дрездена, двинулся в Силезию на помощь Генриху, и сообщил об этом в Петербург в реляции от 31 июля 1760 г. [6, с. 623].

Проблемы, возникшие перед союзниками в Силезии, не закрыли проблем, связанных с операцией в Померании, однако в таком развитии событий был и положительный момент. В Померании в этом случае сил противника не оставалось, поскольку они перемещались в Саксонию и Силезию и были связаны там действиями союзных армий. Поэтому взор руководства все пристальнее обращался в сторону моря. Открывалась уникальная возможность осуществить предполагаемую осаду Кольберга десантными силами без противодействия со стороны прусской армии. И если еще в июне операции под Кольбергом не придавалось серьезного значения, то к этому моменту пришло и понимание важности действий флота на приморском направлении: «...5-е. О намерении нашем на Кольберг вы давно известны... надобно ожидать на сих днях весьма удовольственных оттуда известий и тем важнейших, что сие может много ободрить шведов, а короля прусского в новую заботу привести и стараться принудить некоторое силам

его разделение сделать. Как бы мало в начале ни казалось сие предприятие...» [8, л. 358].

Здесь необходимо обратить внимание на то, что российская сторона к этому моменту на основании опыта прошлых кампаний пришла к главнейшему выводу, что «*нельзя подлинно ожидать войны окончание от всех сих походов и движений*». Была выработана дальнейшая стратегия ведения войны, соответствовавшая реалиям времени, суть которой заключалась в том, что «*Ее Императорское Величество действительно почитает, что когда король прусской ныне столь осторожен сделался, то не от баталий надлежит ожидать сей войны окончание, но только от такой поверхности, чтоб неприятель везде притеснен и в недействие приведен был, а между тем земли его и города один за другим отбираться*» [там же, л. 275]. Речь шла, прежде всего, о захвате территории противника и посредством этого его экономическом истощении. И в связи с утверждением такого взгляда на проблему окончания войны взятие Кольберга приобретало еще большее значение в глазах императрицы – его падение должно было способствовать экономическому краху Пруссии. Немедленный переход к берегам Померании флота, который уже в 20-х числах июля должен был быть у Кольберга, мог способствовать скорейшему и беспрепятственному выполнению этой задачи.

Итак, 22 июня 1760 г. начался второй этап подготовки флота к кампании. Следует отметить, что высочайший рескрипт от этого дня в адрес адмирала З. Д. Мишукова целиком был посвящен операции под Кольбергом, в котором адмиралу давались конкретные указания «*об одних потребных к тому приготовлениях*» [9, л. 169]. На следующий день, 23 июня, вышел в свет другой высочайший указ, но для Адмиралтейской коллегии, также связанный с темой подготовки флота: «*Каким образом флот наш снабден и в море выступить имеет, о том даны [от сего ж числа]... нашему адмиралу Мишукову достаточные наставления, а нашей Адмиралтейской коллегии повелеваем токмо неотменно все то исполнить, и с крайнюю скоростью, что от него требуется будет*» [10, с. 532]. Вопрос о комплектовании доминировал над прочими вопросами, связанными с подготовкой флота. На кораблях к этому времени не хватало в наличии значительной части личного состава: «...показано что на назначенные в кампанию карабли и прочие суда в положенное по опробованной табели (утвержденному штатному расписанию. – Ю. П.) недостает в добавок служителей две тысячи триста тринадцать человек...» [11, л. 67]. 10 июля 1760 г. Мишуков прибыл в Кронштадт и поднял флаг на корабле «Св. Дмитрий Ростовский», на котором был создан орган управления эскадрой – походный штаб (по терминологии тех лет – «*флагманские дела*»)

[10, с. 533]. На кораблях началось размещение сухопутных солдат, артиллерии, боеприпасов и различного имущества, необходимого для ведения осады. Например, на корабль «Шлютенбурх» было принято «сухопутных войск салдат» (78 чел.), два медных 24-фунтовых орудия и соответствующее число боеприпасов [12, л. 75]. А на корабль «Климент Папа Римский», кроме значительного числа боеприпасов (пороха), было принято различное полковое имущество, предназначенное для десанта [там же, л. 5]. Изыскивались и различные пути пополнения экипажей личным составом. Но ситуация, связанная с укомплектованием кораблей, продолжала оставаться неблагоприятной, хотя и наметились сдвиги в сторону улучшения. Фактически не хватало до трети штатного состава, причем более всего самых необходимых категорий – матросов и канониров. В связи с этим на некоторых кораблях, несмотря на их общую готовность к выходу, складывалась явно удручающая обстановка. Например, командир бомбардирского корабля «Дондер» С. Наропацкий в своем рапорте от 12 июля «к флагманским делам» среди прочего сообщал: «...а по должностям припасы и материалы... в приеме все имеются, кроме положенного числа по указу бомб, которые еще не приняты за малоимением служителей и принимать оные нечем» [там же, л. 22]. 14 июля была проведена сверка табелей наличия личного состава на кораблях, и оказалось, что общее число отсутствующих, хотя и было меньше, чем по состоянию на 26 июля 1760 г. (2331 чел.), но продолжало оставаться весьма значительным (1779 чел.).

В это же самое время Конференция при высочайшем дворе получила известие от вице-адмирала А. И. Полянского о выходе его эскадры с ревальского рейда и о постановке ее на якорь 10 июля у острова Нарген для ожидания прибытия кораблей из Кронштадта. Назревал скандал, поскольку, по замыслу операции, кронштадтская эскадра должна уже была выйти с рейда. Поэтому 18 июля в Адмиралтейскую коллегию был отправлен соответствующий высочайший указ с требованием разъяснения обстановки: «...не имеем ни от нашей Адмиралтейской коллегии ни от адмирала Мишукова уведомления, скоро ли и когда он с флотом выйдет и зачем, так долго медлится выступление его...» [10, с. 534]. Аналогичный указ был отправлен и адмиралу З. Д. Мишукову. Полученный от него ответ удивил и возмутил императрицу. Возникшая проблема, связанная с неготовностью флота к выходу в море из-за неуккомплектованности, грозила в одночасье перечеркнуть возможность использования удачно складывающейся обстановки под Кольбергом. Флот в это время по предварительным расчетам должен уже был находиться на пути к берегам Померании, но корабли все еще сто-

яли на кронштадтском рейде. Возмущение таким поведением высших флотских чинов выразилось в самых жестких словах высочайшего рескрипта от 22 июля 1760 г., обращенных членам Коллегии: «...через сие строжайше и под опасением тяжчайшего гнева повелеваем, чтоб флот полным числом людей и в самом деле... конечно в 24 часа с получением сего указа укомплектован и в море отправлен был, а притом объявляем, что никакие извинения к оправданию перед нами не послужат, паче же подвигнут нас к строгому исследованию, отчего произошло столь малое исполнение наших именных соизволений...» [там же, с. 535]. Выход эскадры в море состоялся только вечером 25 июля. Но 26 июля у острова Гогланд произошла очередная незапланированная задержка – из-за безветрия корабли стояли на якоре до вечера 28 июля. А 29 июля у острова Нарген произошло соединение ревальской и кронштадтской эскадр, и флот опять стал на якорь. Во время стоянки происходило боевое слаживание кораблей и опробование корабельной артиллерии. В частности, на бомбардирском корабле «Самсон» под руководством обер-цейхмейстера флота И. В. Демидова, в присутствии всех артиллерийских офицеров проводились пробные стрельбы из мортир и гаубиц [там же, с. 553]. Днем 3 августа корабли снялись с якорей и продолжили движение, а 15 августа флот подошел, наконец-то, к Кольбергу. Период подготовки закончился, для флота начинались боевые будни.

Из рапорта командующему армией от 29 августа 1760 г. бригадира Серебрякова, назначенного руководить небольшим отрядом легкой кавалерии (казаки и драгуны), прибывшего к Кольбергу несколько ранее для оказания необходимой помощи десанту, в частности, в ведении разведки и связи с командованием армии: «Российской флот... благополучно прибыл, и от 17-го начал оной город с бомбардирских кораблей бомбардировать, а потом по несклонности того города к сдаче 20-го числа начали было имеющую на флоте осадную артиллерию на берег вывозить, которого числа и швецкой в восьми кораблях флот в помощь прибыл. Но того же августа от 21-го числа сделался великий ветер и в море сильное волнение, которое продолжалось до 25-го числа и от того сильного волнения несколько и вреда при том флоте учинилось и никакого действия уже не происходило, а 26-го числа помощью Божию погода утихла и потом паки начали город бомбами штурмовать, и по 28-е число при помощи Божией... сухопутной с правой стороны города к сделанной на самом устье реки Прасанта к морю при гаване батарее, учинен был приступ и ту батарею у них отбили с принадлежащими при оной пушками... А потом, сделав свою батарею, и на оной поставили вынутые из судов ломовые пушки и единороги, начали паки город Коль-

берг *штурмовать*». Далее Серебряков доложил о действиях своего отряда: «...от команды ж моей к местечкам Штетину и Штаргарду и к польской границе от прихода неприятельского сикурса беспрерывные разъезды содержатся». А вот в конце рапорта он писал о вещах, вызывавших у него законную тревогу и предчувствие беды: «Не безызвестно нам от здешних обывателей, якобы принц Генрих своим корпусом следует в Померанию для сикурса города Кольберга, на которых известиях, хотя мы и не утверждаемся, а уповаем, что о том вашему... сиятельству, где оной принц Генрих находится, лучше известно, однако ж ежели за подлинно он... с корпусом своим в Померанию следует, то... прошу... известием не оставить и откуда повелено будет нас сикурсовать...» [6, с. 646].

По данным разведки, командованию армии стали известны и более точные данные о планах противника в отношении Кольберга: «...по подлинным известиям подтверждается, что прусской генерал-майор Вернер, с некоторыми батальонами и эскадронами на сикурс к той крепости, да и другой сикурс из Берлина чрез Кистрин отправлен же» [там же, с. 652]. Сведения, подтверждавшие намерения противника воспрепятствовать осаде Кольберга, были доведены до сведения императрицы и Конференции. Осознавая опасность реализации этих планов, руководством государства были посланы соответствующие указания командованию армии: «В силу высочайшего... рескрипта, повелевается в Померании кольбергскую осаду в надобном случае подкрепить знатным корпусом...». Этим же указом генерал-поручику Я. А. Мордвинову было «повелено с Вислы отправить шесть батальонов пехоты с генерал-майором бароном Розеном...» [там же]. Но учитывая недостаточность этих сил и немалое расстояние до Кольберга, 9 сентября временно исполняющий обязанности командующего армией В. В. Фермор поручил генерал-поручику П. И. Олицу «наряженной от армии корпус... содержащий в себе войска более десяти тысячи человек, с которыми... изволите, выступя в поход, следовать по учиненному маршруту...» [там же] к крепости для оказания поддержки осаждающим. Но инструкция эта, ввиду того что командованию армии было неизвестно о произошедших накануне этого дня событиях под Кольбергом, оказалась, увы, бесполезной... А произошло то, чего так опасался Серебряков.

До 7 сентября все обстояло вполне благополучно для осаждающих. После окончания шторма, 25 августа, «для усиления десантного отряда, свезены на берег остальные сухопутные солдаты, артиллерия и провиант...» [10, с. 556]. Для усиления десанта свозились и моряки с кораблей: «29 августа... На флоте занимались отправкою вооруженных шлюпок

на берег» [там же, с. 557]. Шла практически постоянная бомбардировка крепости, непрерывно шли и осадные работы. Со дня на день ожидалось падение крепости: «...денно и ночью в... Кольберге пальба беспрестанно и происходила, а как уже из судов вынута была вся осадная артиллерия и поставлена на сделанных близ самого города четырех больших батарей, то сего сентября 5-го числа в день тезоименитства Ее Императорского Величества по отправлении молебного пения со всех тех четырех батарей из ломовых пушек и из единорогов, также как сухопутно, так из бомбардирских кораблей в показанный город непрерывная пальба днем и ночью употреблена была. И в такой уже надежде были, что в скором времени оной город Кольберг помощью Божию взят был...» [6, с. 654].

Наступило 7 сентября: «Пальба с бомбардирских кораблей и с батарей открылась до рассвета... бомбардирование усилено» [10, с. 558]. Но «в 10-м часу неприятельской сикурс оказался пехоты и конницы при двух генералах до осьми тысяч человек, – докладывал Серебряков Фермору в рапорте от 9 сентября 1760 г., – которой неприятель с левой стороны реки Персанта поставленные отъезжие конные и пехотные большие заставы под командою... подполковника князя Волконского, сильным огнем всех прогнали и потом в город Кольберг вошли, из которого города нимало медля с правой стороны реки Персанта... неприятельская пехота и конница на нас вышла...» [6, с. 655]. В это же время начался сильный артиллерийский обстрел позиций десанта, в результате чего на отбитой у немцев в начале осады батарее был взорван боезапас. В итоге силы осаждающих были дезорганизованы, и начался их беспорядочный отход к морю [10, с. 558]. При этом была потеряна основная часть осадной артиллерии. Для оказания помощи десанту «в 6 часу вечера эскадра контр-адмирала Мордвинова подошла к батарее... Бомбардирование продолжалось усиленное с обеих сторон до вечера, а с захождением солнца происходила только с нашей стороны» [там же, с. 558]. С утра следующего дня немцы вновь начали наступление. В таких условиях продолжать осаду было бессмысленно, и адмирал Мишуков отдал приказание начать эвакуацию десанта [13, с. 97], которая продолжилась и 9 сентября. Около полудня снялась с якоря и ушла шведская эскадра, а на следующий день, 10 сентября, «флот снялся с якоря со всеми транспортными судами и 8-ю взятыми в р. Персанте гальотами, и пошел в море...» [10, с. 559]. Через восемь дней корабли бросили якоря на кронштадтском рейде, кампания 1760 г. закончилась.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Новый план использования флота, задуманный вначале как вспомогательный и отвлекающий удар, предполагалось осуществить без привлечения сил армии (кроме нескольких сотен казаков) и мобилизации имевшихся в наличии ресурсов. Первопричина этого кроется в том, что у высшего руководства страны присутствовала полная уверенность в непременном успехе русской и австрийской армий под Бреславлем и оно ждало этого события со дня на день. Но неудачное развитие кампании для армии привело к резкому осознанию у высшего руководства значения операции под Кольбергом – от первоначального представления о ее незначительности до понимания стратегической важности успеха как важнейшего этапа, влияющего на исход войны. Необходимо отметить, что к концу июня в Померании сложилась благоприятная обстановка для проведения флотом данной операции собственными силами. Она была обусловлена отсутствием здесь прусских войск, противостоявших в это время армиям союзников под Бреславлем. Это позволяло флоту высадить десант и осуществить штурм и захват крепости без противодействия полевых войск противника, ведя борьбу только с ее гарнизоном. Но флоту не удалось воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств: к Кольбергу он прибыл 15 августа с опозданием против срока, указанного в плане, практически на три (!) недели. Опоздание было вызвано неготовностью к выходу в море Кронштадтской эскадры. Это обстоятельство предопределило неудачный ход операции.

2. Основная предпосылка успеха в этом случае – своевременный выход в запланированные сроки (в начале июля) Кронштадтской эскадры, который мог состояться только в случае ее быстрого обеспечения всеми видами довольствия и укомплектования личным составом. То, что при подготовке эскадры вопрос укомплектования встал во всей остроте, вполне справедливо, так как при снятии с кораблей какого-то числа служителей для участия в том или ином качестве в десанте оставшихся должно было быть в количестве, необходимом как для управления, так и для ведения кораблями боевых действий. Адмиралтейская коллегия и командующий флотом (также член Коллегии) не смогли достичь должного взаимодействия и организовать за короткое время оперативное прибытие на корабли соответствующего пополнения в необходимом количестве, хотя такая возможность существовала. Конференция упустила и в какой-то момент не контролировала деятельность флота, фактически с 23 июня по 18 июля – времени появления высочайших указов для Адмиралтейской коллегии о ее фактическом подчинении Мишукову и до выражения недоумения императрицы по поводу задержки выхода эскадры из Кронштадта. В связи с этим явно

обозначился кризис управления флотом. Существовавшая коллегиальная организация не смогла обеспечить должной оперативности в подготовке сил флота к выполнению поставленных перед ним новых задач.

Явная уверенность высшего руководства в успехе союзных войск передалась и руководству флота, что, несомненно, вносило элемент расслабленности и самоуспокоения в деятельность Адмиралтейской коллегии и адмирала Мишукова, тем более что первоначальный план использования флота в 1760 г. не предполагал его применения для ведения самостоятельных боевых действий против приморской крепости. Флот был готов только к выполнению задач, стоявших перед ним в предыдущие годы – ведению крейсерства у побережья противника и к перевозке в случае необходимости пополнения для заграничной армии на боевых кораблях.

3. Хотя управление силами десанта было потеряно сразу после появления отряда прусских войск, а боевой опыт ведения действий на берегу отсутствовал, но эти обстоятельства не явились причиной паники среди десантников. А панику, в свою очередь, нельзя считать главной причиной неудачного штурма Кольберга в 1760 г. Успех операции зависел в итоге от боеспособности десантных подразделений, от их подготовленности к выполнению поставленных задач. Уровень боевой подготовки личного состава флота к действиям на берегу, определявшийся состоянием системы мероприятий по соответствующему обучению и воспитанию, а также боевой слаженностью указанных подразделений, был весьма низким. А отсутствие в составе десанта, а также в высланных ему на помощь силах регулярных пехотных частей, имевших соответствующий опыт и подготовку, делало его положение в случае изменения благоприятной ситуации весьма уязвимым. Поэтому первоначальный расчет только на силы десанта, не сообразующийся со временем его высадки, делал все исполнение задуманного авантюрой. Следствием такого состояния дел и явилось возникновение панических настроений среди десантников и их дальнейшее бегство при появлении у Кольберга отряда регулярных прусских войск, прибывшего на помощь защитникам крепости. Можно считать, что главной причиной неудачного штурма крепости явилась низкая обученность в ходе боевой подготовки личного состава десантных подразделений сухопутному бою и отсутствие боевой слаженности между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бумаги государственного канцлера графа М. Л. Воронцова // Архив князя Воронцова : в 40 кн. – М., 1873. – Кн. 6.

2. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. XV.

3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 16.

4. История военного искусства : учебник для военных академий. – М. : Воениздат, 1984.

5. РГАДА. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 32.

6. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота 1756–1762 гг. – М., 1948.

7. Русская армия в Семилетнюю войну – Вып. III. – Приложения. – М., 1891.

*Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина*

*Попов Ю. М., кандидат исторических наук, капитан
1 ранга, преподаватель*

E-mail: bars9713@rambler.ru

Тел.: 8-905-052-93-92

8. РГАДА. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 37.

9. РГАДА. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 17.

10. Материалы для истории русского флота : в 17 ч. – СПб., 1883. – Ч. X.

11. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). – Ф. 211. – Оп. 1. – Д. 3.

12. РГА ВМФ. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 9.

13. *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне / Н. М. Коробков. – М., 1946.

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

*Popov Yu. M., Candidate of Historical Science, 1st Rank
Captain, teacher*

E-mail: bars9713@rambler.ru

Tel.: 8-905-052-93-92